

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(47)''18/19''+055.2+057.34

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ЖЕНЩИН-СЛУЖАЩИХ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ¹

А. И. Громова

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
г. Москва, Россия

DOI: 10.26456/vthistory/2020.3.051

В статье анализируется социальный статус части российских горожанок (служащих) на рубеже XIX–XX вв. Особое внимание уделено занятым в сфере профессионального интеллектуального труда, а также дискриминирующим факторам (более низкий уровень заработной платы по сравнению с мужчинами, невозможность занимать ряд должностей в государственных и общественных учреждениях). Автор демонстрирует особенности контроля за женским целомудрием, репродуктивным поведением женщин и их частной жизнью в целом, анализируя запретительные акты, изданные в те годы, и консервативные взгляды общества. Выявлен и доказан факт того, что запреты и предписания серьезно препятствовали профессиональному росту женщин, лишали их возможности свободно распоряжаться собственным телом. В статье систематизированы способы регулирования женского репродуктивного поведения женщин-служащих, типичные для органов государственной власти имперской России полтора столетия назад.

Ключевые слова: женщины-служащие, нравственность, власть, контроль, традиционное подчинение, патриархальные обычаи, борьба за равноправие.

В современной отечественной историографии можно выделить сравнительно немного работ, посвященных изучению различных аспектов жизни женщин-служащих в дореволюционной России. В первую очередь следует указать труд О.Б. Вахромеевой², в котором исследовано социально-экономическое и правовое положение работающих женщин в Санкт-

---

¹ Исследование выполнено в рамках НИР ИЭА РАН и гранта РФФИ 19-09-00191

² Вахромеева О. Б. Социально-экономическое положение женщин в Санкт-Петербурге в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 2009.

Vakhromeeva O. B., *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie zhenshchin v Sankt-Peterburge v kontse XIX – nachale XXvv.*, avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk, SPb., 2009.

Петербурге, в т.ч. женщин-служащих. На примере учителей те же вопросы изучены И.В. Зубковым³. Весьма полной представляется и монография С.В. Ворошиловой⁴, проанализировавшей особенности правового регулирования труда служащих женщин в России в рассматриваемое время; она коснулась и вопроса нарушения гражданских прав женщин, занятых профессиональной деятельностью. В статье петербургского историка-архивиста И.В. Синовой⁵ проблемы, связанные с использованием женского труда на государственной службе в имперской России рубежа веков, рассмотрены на примере Морского министерства; она включила в свою работу анализ препятствий и дискриминационных ограничений, с которыми приходилось сталкиваться женщинам. Формирование особого типа работающей россиянки – женщины, занятой умственным квалифицированным трудом – показано в статье О.М. Морозовой, Т.И. Трошиной и Е.А. Ялозиной⁶.

Однако до настоящего времени проблема дискриминационных ограничений, связанных с вмешательством властных структур в не просто в частную, но в интимно-телесную жизнь женщин-служащих в имперской России, никем не исследовалась. Важность ее несомненна: круг и степень ограничений частной жизни является лакмусовой бумажкой степени освобожденности, «эмансипированности» общества от устаревших общественных установлений. Целью данного исследования является восполнение пробела – обращение к истории ограничений, препятствий и запретов, имевших очевидную гендерную окраску.

В Российской империи в последней четверти XIX – первой четверти XX в. было выработано немало циркуляров и постановлений, ограничивающих семейно-брачное и репродуктивное поведение женщин-служащих и призванных регулировать их частную жизнь, что лишало их возможности

---

³ Зубков И. В. Повседневность учительниц земских школ (конец XIX – начало XX в.) // Социальная история: ежегодник. 2010 / отв. ред. Н.Л. Пушкарева. СПб., 2011. С. 43–68.

Zubkov I. V., *Povsednevnost' uchitel'nits zemskikh shkol (konets XIX – nachalo XX v.)*, Sotsial'nay aistoriya: ezhegodnik, 2010, отв. red. N.L. Pushkareva, SPb., 2011, S. 43–68.

⁴ Ворошилова С. В. Правовое положение женщин в России в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... докт. юридических наук. Саратов, 2011.

Voroshilova S. V., *Pravovoe polozhenie zhenshchin v Rossii v XIX – nachale XX vv.*, avtoref. dis. ... dokt. yuridicheskikh nauk, Saratov, 2011.

⁵ Синова И. В. Использование женского труда Морским министерством Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Т. 18 (2). С. 355–373.

Sinova I. V., *Ispol'zovanie zhenskogo truda Morskim ministerstvom Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX–XX vv.*, Vestnik RUDN, Seriya: Istoriya Rossii, 2019, T. 18 (2), S. 355–373.

⁶ Морозова О. М., Трошина Т. И., Ялозина Е. А. «Труд как свобода, труд как бремя»: о ранних страницах женской занятости в России // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Т. 18 (2). С. 374–411.

Morozova O. M., Troshina T. I., Yalozina E. A., «Trud kak svoboda, trud kak bremya»: o rannikh stranitsakh zhenskoi zanyatosti v Rossii, Vestnik RUDN, Seriya: Istoriya Rossii, 2019, T. 18 (2), S. 374–411.

распоряжаться своим собственным телом. Государство в лице различных служебных ведомств и органов власти стремилось контролировать сексуальную жизнь своих подданных женского пола; в ряде случаев такой контроль принимал крайние формы, и администрациями некоторых ведомств предпринимались попытки надзора за сохранением находящихся у них в подчинении женщинами «физической девственности», «целомудрия». В рамках традиционной патриархальной системы под целомудрием имелась в виду также и духовная «непорочность», «чистота». Ведомства и министерства выносили на обсуждение проекты, которые либеральная пресса того времени называла не иначе как грубыми феодальными пережитками. Таким образом, женская телесность, которая, как известно, является объектом регуляции в любой патриархальной культуре, оказывалась под пристальным вниманием и одновременно становилась объектом репрессивных ограничений со стороны различных властных структур.

Государство издавало различные законодательные акты и предписания, ограничивающие семейные, личные и гражданские права женщин-служащих, среди которых:

– запрет для женщин-служащих на вступление в брак или, наоборот, принуждение их к вступлению в брак с лицами, работающими в одном с ними ведомстве;

– контроль за репродуктивным поведением женщины (в т.ч. официально закрепленное регулирование количества детей);

– фактическое принуждение женщин-служащих следовать за мужьями, работающими в том же учреждении, при переводе последних на новое место службы (своего рода «прикрепление» жен к их мужьям);

– контроль за сексуальным поведением до брака (сохранением девственности).

Как можно предположить, исходя из частоты упоминания телеграфного ведомства в прессе, именно оно особенно «отличилось» в плане издания различного рода запретительных постановлений, призванных ограничить личную жизнь находящихся в их подчинении женщин. Женщины получили право служить на телеграфе еще в 60-х гг. XIX в.; на должность телеграфисток могли претендовать девицы, вдовы и жены телеграфных чиновников. Женщинам, состоявшим в браке с лицами, которые не принадлежали к телеграфной корпорации, доступ туда был закрыт⁷. Случались и такие ситуации, когда руководители почтовых отделений запрещали женщинам, находящимся у них в подчинении, вступать в брак в принципе. Женская пресса феминистской и профеминистской направленности остро реагировала на сообщения о подобных проектах, придавала их гласности и предлагала различные способы борьбы с попытками власти поставить честную жизнь женщины-служащей под жесткий контроль государства. Например, в «Женском вестнике» подобный циркуляр, запрещающий женщинам, служащим на телеграфе, выходить замуж за мужчин, не явля-

---

⁷ Щеголев В. Н. Женщина-телеграфист в России и за границей. СПб., 1894. С. 14.
Shchegolev V. N., *Zhenshchina-telegrafist v Rossii i za granitsej*, SPb., 1894, S. 14.

ющихся чиновниками того же ведомства, был подвергнут активному обсуждению в целом ряде статей. Защитники этого распоряжения утверждали, что он «издан для блага государства», ведь «телеграфисту и телеграфистке иногда вверяются тайны государственного и даже мирового значения... и соблюдение этой тайны должно быть обставлено суровыми условиями. “Представьте себе, что г-жа телеграфистка вышла замуж, *по любви* (курсив текста. – А.Г.), за иностранного шпиона и как раз через ее руки идет телеграфное распоряжение о мобилизации армий, знать которое до разреза нужно любимому мужу”. Устоит ли она перед искушением?»⁸. Однако для мужчин, которые, как справедливо замечали противники данного распоряжения, вполне могли бы попасть в такую же ситуацию, подобные ограничения предусмотрены не были. Отсюда автор одной из статьи, освещавших издание упомянутого циркуляра, сделала логичный вывод о том, что защитники циркуляра признавали личную свободу только для мужчин: последние выдвигают требование, согласно которому телеграфистки должны вступать в брак не по любви, а по выбору начальства, что напрямую отсылает к прошлому Российской империи, когда «крепостник мог выдать замуж своих крепостных за кого ему вздумалось, не обращая внимания на склонности девушки». Принуждение к «служебной эндогамии», безусловно, не могло не вызывать возмущения как у самих женщин-служащих, так и у прогрессивно настроенной части общества. Автор упомянутой статьи также пишет о том, что телеграфистки, ищущие в работе на телеграфе спасения от голода, находятся в этом ведомстве на положении рабынь, так как его начальство, имеющее безусловно «крепостнические наклонности» и прекрасно осведомленное о зависимом положении своих служащих, третирует их как ему вздумается. К слову, противники этого ограничительного распоряжения были и среди членов Государственной думы: либеральный политик Ф.И. Родичев утверждал, что в среднем женщины, служащие на телеграфе, «добросовестнее и аккуратнее мужчин», а указание ведомства, запрещающее «женщинам, служащим на почте или телеграфе, выходить замуж за кого-либо другого, кроме служащего того же ведомства», он назвал «амурной привилегией для чиновников-мужчин». По его мнению, этот циркуляр открыто проявляет неуважение к личности трудящейся женщины, а любые ограничения «личных и семейных прав почтово-телеграфных служащих» являются «несправедливыми и нецелесообразными»⁹.

Кроме того, при приеме женщин на службу в почтово-телеграфное ведомство существовали и другие дискриминирующие ограничения. Согласно инструкции от 9 января 1909 г., туда могли поступить «только девицы и вдовы в возрасте от 18 до 30 лет включительно». Остаться работать в указанном ведомстве телеграфистка могла, как говорилось выше, только вступив в брак со служащим того же почтово-телеграфного учреждения;

---

⁸ Иванова. Крепостники // Женский вестник. 1911. № 9. С. 167.

Ivanova, *Krepostniki*, *Zhenskij vestnik*, 1911, № 9, S. 167.

⁹ Там же. С. 167–168.

Ibid, S. 167–168.

при переходе супруга на другое место службы в рамках того же ведомства женщина могла сохранить за собой место только при получении назначения туда же, куда был переведен ее муж. Мария Ивановна Покровская, феминистка и общественная деятельница, освещая положение женщины на государственной службе, утверждает, что чиновники, издающие подобные распоряжения, руководствуются «устарелыми взглядами и предрассудками», а цель их состоит в том, чтобы ограничить только один пол и прикрепить жен к мужьям. Она пишет, что «если мы проследим различные циркуляры, которые издавала бюрократия по отношению к служащим женщинам, то нас поразит та беспощадная последовательность, с которой она старается всячески увеличить бремя службы для женщин и воспрепятствовать им заработать себе кусок хлеба»¹⁰.

Для телефонисток существовали ещё более жесткие ограничения: туда принимались исключительно девицы или бездетные вдовы в возрасте от 18 до 25 лет. Для поступления на станцию Санкт-Петербургской телефонной сети девушка должна была дать подписку о том, что она обязуется оставить службу в течение трёх месяцев, если во время прохождения этой службы она выйдет замуж.

Хотя при приёме на службу дискриминации подвергались в основном замужние женщины, пресса упоминала и о прямо противоположных ситуациях. «Журнал для хозяек и женская жизнь» пишет о том, что «промелькнуло» следующее сообщение: на телефонных станциях в Петербурге планируется установить правило, согласно которому поступающая на службу телефонистка должна предоставить медицинское удостоверение, подтверждающее ее физическую девственность. Подобные циничные проекты, призванные на государственном уровне регулировать «нравственность» женщин-служащих как у прогрессивной общественности, так и у самих женщин не могли вызывать ничего, кроме недоумения. Автор статьи «Охрана... целомудрия» сомневается в том, что данное правило администрация телефонной сети планирует ввести, руководствуясь невинными высокоморальными принципами: «Мы знаем много таких носителей нравственности... Знаем их не только по казенным или общественным учреждениям, но и по гимназиям, приютам, больницам, монастырям и т.д., вообще, по всем таким местам, где присутствие женщины вызывает необходимость контроля над ее нравственностью...». В то же время автор замечает, что об установлении контроля над целомудрием мужчин-служащих нельзя даже помышлять. Также он отметил, что всем известно, какое влияние оказывают на женское целомудрие начальники-мужчины: о том, чтобы

---

¹⁰ Покровская М. И. Женщина на государственной службе // Женский вестник. 1909. № 10. С. 186.

Pokrovskaya aM. I., *Zhenshchina na gosudarstvennoi sluzhbe*, *Zhenskii vestnik*, 1909, № 10, S. 186.

требовать от телефонисток такого же медицинского удостоверения при их уходе со службы, не стоит и думать¹¹.

В министерстве путей сообщения издание подобных «архаических» циркуляров было прекращено только в 1916 г. соответствующим распоряжением, согласно которому на телеграфную службу железных дорог могла поступить любая женщина – вне зависимости от своего семейного положения; следовательно, отменялось и ограничение, принуждающее женщин вступать в брак только с товарищами по службе¹².

Среди женщин, занимающихся квалифицированным умственным трудом, по степени вмешательства государства в частную жизнь, уровню ограничения личных свобод и жесткости контроля за сексуальным и репродуктивным поведением именно учительницы были одной из самых бесправных категорий (при этом нужно иметь в виду, что наибольшее число женщин-служащих были заняты именно в воспитательно-педагогической сфере). Они подвергались целому ряду дискриминационных ограничений, которые либо были законодательно закреплены, либо носили характер предписаний – в зависимости от губернии¹³. В разделе «Хроника» журнала «Женский вестник» была помещена заметка о том, что чердынский инспектор «специальным отношением известил всех вверенных ему учительниц, состоящих в замужестве, что им, пока они находятся на службе, полагается иметь детей числом не более двух. Учительницы, разрешившиеся третьим ребенком, будут немедленно уволены со службы. После обнародования такого распоряжения были уволены три учительницы, ибо, по собранным г. инспектором справкам, оказалось, что они имеют детей *более предписанной нормы* (курсив мой. – А. Г.)¹⁴. Подобным же дискриминационным ограничениям подвергались и учительницы за рубежом. В цюрихском кантоне была предпринята попытка принять закон о безбрачии учительниц. Как замечает автор статьи, освещавший этот законопроект на страницах «Женского вестника», подобное нововведение, вероятно, было направлено на снижение числа учительниц, которые конкурировали за рабочие места с мужчинами-педагогами. Такие «аморальные» постановления, запрещающие учительницам вступать в брак или же, наоборот, требующие от них вступления в брак, автор заметки называет наследием «феодално-аристократических времен» и утверждает, что это ограничение личной свободы, немислимое в культурном государстве¹⁵.

¹¹ Дрозд В. Охрана... целомудрия // Журнал для хозяек и женская жизнь. 1914. № 3. С. 25–26.

Droz V., *Okhrana... tselomudriya*, Zhurnal dlya khozyaek i zhenskaya zhizn', 1914, №3, S. 25–26.

¹² Телеграфная служба и женщина // Дамский мир. 1916. № 12. С. 33.

Telegrafnaya sluzhba i zhenshchina, Damskii mir, 1916, № 12, S. 33.

¹³ Зубков И. В. Указ. соч. С. 67.

Zubkov I. V., *Op. cit.*, S. 67.

¹⁴ Хроника // Женский вестник. 1911. № 9. С. 182–183.

Khronika, Zhenskii vestnik, 1911, № 9, S. 182–183.

¹⁵ О безбрачии учительниц // Женский вестник. 1913. № 1. С. 26–27.

Конечно, вышеперечисленные циркуляры и постановления были призваны не только лишить женщину-служашую возможности распоряжаться собственным телом, но и как можно существеннее сузить сферу женского труда, тем самым устранив ее с арены общественной деятельности и помешав ей конкурировать с мужчинами за рабочие места. То же противостояние, еще более яростное, существовало между женщинами, занятыми в сфере производства, и мужчинами-рабочими – как в России, так и за рубежом. Например, негодование английских суфражисток вызвало предложение лейбориста Дж. Барнса о введении закона об увольнении замужних женщин (1908)¹⁶.

Запрет для женщин выходить замуж за кого-либо, кроме служащих того ведомства, в котором они работают сами, перекликается с уголовным законодательством о женщинах-преступницах, согласно которому приговоренная к ссылке может вступить в брак только с другим ссыльным, лишенным прав состояния (Устав о ссыльных, ст. 184 и 185), в то время как для осужденных мужчин такого ограничения не существовало. Криминолог М. Гернет в своей статье «Женское равноправие и уголовный закон» пишет о том, что женщины, прибывшие на поселение на о. Сахалин, администрацией назначались в сожительницы мужчинам-ссыльным; причем «первый отбор» делали для себя служащие тюремного ведомства¹⁷. Также в имперском уголовном законодательстве сохранялись статьи, согласно которым женщины могли подлежать судебно-медицинскому освидетельствованию без их согласия¹⁸. К мужчинам же такая мера не могла быть применена. Существование подобных статей, уже современниками признанных устаревшими и унижающими человеческое достоинство, было частью тех репрессивно-карательных мер, с помощью которых патриархальная система власти держала тело женщины под жестким контролем.

Само понятие «публичности» мыслилось обществом того времени совсем иначе. Женщина, демонстрирующая себя перед публикой, будь то балерина, актриса, адвокатесса, аптекарша или представительница любой другой профессии, в традиционном сознании практически ничем не отличалась от «публичной девки», проститутки. Любая общественная деятельность женщины была неизбежно связана с её сексуальностью. Как замечает Энгельштейн, когда эта «новая женщина», «полная планов, по-мужски

O bezbrachii uchitel'nic, *Zhenskij vestnik*, 1913, № 1, S. 26–27.

¹⁶ Шнырова О. Суфражизм в истории и культуре Великобритании. СПб., 2019. С. 255–256.

Shnyrova O., *Sufrazhizm v istorii i kul'ture Velikobritanii*, SPb., 2019, S. 255–256.

¹⁷ Гернет М. Женское равноправие и уголовный закон. С. 44–45. URL: <https://www.litres.ru/mihail-gernet/zhenskoe-ravnopravie-i-ugolovnyy-zakon/> (дата обращения: 15.04.2020).

Gernet M., *Zhenskoe ravnopravie i ugovolnyi zakon*, S. 44–45. URL: <https://www.litres.ru/mihail-gernet/zhenskoe-ravnopravie-i-ugolovnyy-zakon/> (data obrashcheniya: 15.04.2020).

¹⁸ Готвальт В. Женщина и закон // Журнал для хозяйек. 1916. № 17. С. 24–25.

Gotval't V., *Zhenshchina i zakon*, *Zhurnal dlya khozyaek*, 1916, № 17, S. 24–25.

предприимчивая, шагала по городским улицам, готовая за плату предложить свои услуги, ее положение весьма сильно напоминало положение проститутки»¹⁹. Женщина начинала приобретать субъектность, оставив позади «серый замок прошлого рабства», и мужчине (государству) нужно было понять, что делать в этой ситуации. Если с женщиной, занимающейся проституцией, всё было ясно – её поведение было девиантным, но эта девиация была «легитимизированной» и привычной для мужчин – то эта «холостая женщина», отбросившая «ржавые оковы своего пола», неизбежно вносила дисгармонию и вызывала недоумение. Женщина воспринималась прежде всего как тело, которое мыслилось либо как «репродуктивное» (тело матери), либо как «сексуализированное»²⁰; в общественном сознании еще только зарождалось понимание того, что ее можно рассматривать как личность, равную мужчине, без привязки к телесности и эротизирования. Было совершенно не ясно, как вести себя. Высмеять? Наказать? Унизить? Как воспринимать это странное, пугающее существо, эту женщину-оборотня, одетую в платье, но ведущую себя, как мужчина?

Включаясь в общественную жизнь, в суровую борьбу за место под солнцем, женщина должна была кардинально измениться – проще говоря, перестать быть женщиной и либо «превратиться» в мужчину, имитировать его поведение («бронировать» себя теми качествами, которые ранее считались исключительно мужскими²¹), либо отказаться от пола вообще, став бесполой. Розанов прямо говорит, что современный мир превращает женщин, избегающих выполнения своего природного назначения, в подобие мужчин²². В ходе общественных дискуссий по «женскому вопросу» неизбежно начали раздаваться голоса фанатиков «старой веры», главной заповедью «теоретической нетерпимости» которых было их убеждение в том, что «равноправная женщина перестанет быть матерью и, утратив инстинкты материнства, или превратится в бесполое существо, или наоборот, станет исповедовать «гетеризм» (Фанатизм «старой веры»). В книге немецкого социолога К. Бреннера «Женщина на фабрике» (1914) высказывается мысль о том, что женщина, избравшая трудовой путь, неминуемо должна выродиться в «промежуточное бесполое существо». Однако «самочное

---

¹⁹ *Энгельштейн Л.* Ключи счастья: секс и поиски обновления России на рубеже XIX и XX веков / пер. с англ. В. Павлова. М., 1996. С. 389.

Engel'shtein L., *Klyuchi schast'ya: seks i poiski obnovleniya Rossii na rubezhe XIX i XX vekov*, per. s angl. V. Pavlova, M., 1996. S. 389.

²⁰ *Гольман Е.* Телесные практики женщин в зеркале феминистской дискуссии // *Логос*. 2018. Т. 28 (4). С. 135.

Gol'man E., *Telesnye praktiki zhenshchin v zerkale feministской diskussii*, Logos, 2018, T. 28 (4), S. 129–156.

²¹ *Коллонтай А. М.* Новая мораль и рабочий класс: I. Новая женщина. II. Любовь и новая мораль. III. Отношение между полами и классовая борьба. М., 1919. С. 30–31.

Kollontai A. M., *Novaya moral' i rabochii klass: I. Novaya zhenshchina, II. Lyubov' i novaya moral', III. Otnoshenie mezhdru polami i klassovaya bor'ba*, M., 1919, S. 30–31.

²² *Энгельштейн Л.* Указ. соч. С. 329–330.

Engel'shtein L., *Op. cit.*, S. 329–330.

прозябание» больше не устраивало современную городскую женщину, а постепенная утрата ею пресловутой «вечной женственности», так пугающая мужчин, в новых социально-экономических условиях жизни шла ей только на пользу. Конечно, феминистки, «синие чулки», «копирующие мужчину, добивающиеся “быть как мужчина”» (т.е. получить те привилегии и возможности, которые были доступны только мужчинам), у философов вызвали ярость и гнев²³. Но, как писала Коллонтай, «капиталистический мир щадит лишь тех женщин, которые успевают сбросить с себя женские добродетели и усвоить философию борца за существование, присущую мужчинам»²⁴.

В жизни эмансипированной женщины, избравшей путь трудовой самостоятельности, материнство неизбежно отходило на второй план. «Интеллигентные труженицы» зачастую просто не могли себе позволить такую роскошь, как материнство. Например, Е. В. Сланская, занимавшая должность думского врача в Санкт-Петербурге, написала рассказ, в котором ее типичный рабочий день выглядит следующим образом: прием амбулаторных пациентов с 8 утра до 12 дня («в этот день явилось 40 человек, а иногда бывает и больше»), далее – посещение больных, которые не в состоянии передвигаться самостоятельно (в тот день она сделала 11 визитов). Вести прием и делать обход пациентов на своем участке думский врач обязан был практически ежедневно, в том числе по воскресеньям и праздникам²⁵. О подобной же тотальной занятости говорила и Покровская в своей книге «Как я была городским врачом для бедных». Самоотверженность, с которой она выполняла свои обязанности, даже сыграла против нее. Врач, заведовавший другой городской амбулаторией, решил, что Покровская своим усердием хочет продемонстрировать, что женщины-врачи лучше выполняют свою работу, чем мужчины, и это может нанести вред ему лично: он опасался, что городская дума, заметив, как добросовестно они ведут свою медицинскую практику, захочет и его заменить женщиной²⁶. Нередко женщины вынуждены были обеспечивать своих пожилых родителей, а беременность почти наверняка означала потерю места. Таким образом, «пренебрежение детородной функцией», так рьяно осуждаемое ревнителями «традиционного благочестия», зачастую являлось вынужденной мерой, а не сознательным отказом от материнства: «кто знает, сколько нежных жен

²³ *Абрамович Н.* Восстание против женщины // Журнал для хозяек. 1915. № 8. С. 22–23. Abramovich N., *Vosstanie protiv zhenshchiny*, Zhurnal dlya khozyaek, 1915, № 8, S. 22–23.

²⁴ *Коллонтай А. М.* Указ. соч. С. 31.

Kollontai A. M., *Op. cit.*, S. 31.

²⁵ *Сланская Е. В.* День думского женщины-врача в С.-Петербурге: рассказ женщины-врача Е. Сланской. СПб., 1904.

Slanskaya E. V., *Den' dumskogo zhenshchiny-vracha v S.-Peterburge: rasskaz zhenshchiny-vracha E. Slanskoi*, SPb., 1904.

²⁶ *Покровская М. И.* Как я была городским врачом для бедных (из воспоминаний женщины-врача). СПб., 1903. С. 30.

Pokrovskaya M. I., *Kak ya byla gorodskim vrachom dlya bednykh (iz vospominanii zhenshchiny-vracha)*, SPb., 1903, S. 30.

и любящих матерей “в возможности” гибнет за конторскими столами и телеграфными аппаратами, в лабораториях и т.д.»²⁷.

Тем не менее материнство оставалось основным легитимным проявлением женской телесности, а отказ (сознательный или вынужденный) от исполнения этой освященной церковью и якобы заданной биологией и самой жизнью функции рассматривался как грубое нарушение самих основ мироздания. Государство же привыкло регулировать сексуальное поведение женщины и контролировать ее репродуктивную функцию, к выполнению которой в глазах общества чаще всего и сводился смысл существования женщины. Утрата контроля над женским телом, телом «самки, гарантирующим супругу законный приплод», означала угрозу самому существованию гендерных иерархий и системы властных отношений («мужчина сидит на верху могущества и диктует тон жизни. Женщина пресмыкается на кухне или в спальне и занимается приготовлением обеда или культивированием детей»²⁸). Девушка же, добровольно отказывавшаяся от деторождения, объявлялась грешницей, чье поведение противно природе. Более того, ее стремление «избавиться от материнства» могло считаться «извращением из извращений», которое сеет зло и является причиной нарушения некой «мировой гармонии»²⁹. Как сказал инженер Суслов из пьесы М. Горького «Дачники»: «Просто нужно, чтобы она [женщина] чаще была беременной, тогда она вся в ваших руках»³⁰.

Признавая, что огромным препятствием к интеллектуальному развитию женщин служит материнство, женская пресса даже профеминистской направленности не могла определиться, является ли отказ от деторождения во имя профессиональной и творческой самореализации подвигом или эгоизмом, и пыталась ответить на вопрос, кто она, эта женщина, пренебрегшая традиционной ролью и ради призвания «приносящая в жертву» собственных детей – Медея, блудница, преступница или героиня новой, светлой эпохи, сбросившая кандалы многовекового рабства и ставшая «субъектом самостоятельной трагедии»?

Что бы ни делала женщина, внимание общества акцентируется прежде всего на ее внешнем виде, заключенном в рамки не меняющихся веками стандартных бинарных оппозиций («привлекательная – непривлекательная», «молодая – старая», «девица – замужняя», «невинная – развратная»).

²⁷ Тихова. Вперед // Журнал для хозяек. 1915. № 14. С. 21.

Tikhova, Vpered, Zhurnal dlya khozyaek, 1915, № 14, S. 21.

²⁸ Волохов М. Наши сестры (очерк) // Поток. 1906. № 3. С. 14.

Volokhov M., Nashi sestry (ocherk), Potok, 1906, № 3, S. 14.

²⁹ Кудрявцев А. По поводу статьи «Сила женщины» // Журнал для хозяек. 1915. № 14. С. 28.

Kudryavtsev A., Po povodu stat'i «Sila zhenshchiny», Zhurnal dlya khozyaek, 1915, № 14, S. 28.

³⁰ Горький М. Дачники. URL: <https://www.livelib.ru/book/138612/read-dachniki-maksim-gorkij/~2> (дата обращения: 10.06.2020).

Gor'kii M., Dachniki. URL: <https://www.livelib.ru/book/138612/read-dachniki-maksim-gorkij/~2> (data obrashcheniya: 10.06.2020).

Тем же оценкам женщина подвергалась, прокладывая путь в сферу трудовой деятельности. Как верно заметил автор очерка в защиту женщин из журнала «Поток», «куда девушка ни толкнется, в какой сфере ни захочет применить свои занятия, – прежде всего оценивают ее физическую оболочку, ее внешние достоинства, отодвигая на задний план ее умственные дарования»³¹. Уже во второй половине XIX в. в рамках дискуссии о женской адвокатской практике обсуждался вопрос, прилично ли женщине выступать в суде в защиту чужих прав; противники законопроекта о женской адвокатуре, который рассматривался в Думе в 1912–1913 гг., опасались, что его принятие деморализует населения и, вырвав женщину из домашнего очага, откроет ей дорогу на панель³². В сатирическом журнале «Шут» был опубликован следующий стишок: «Слышно, что заведутся у нас женщины-адвокаты, – то-то пойдут на суде дебаты! Кто не знает, что прекрасный пол всякого переболтает, а красавица-адвокат, сказать можно смело, – выиграет всякое дело, – всяких прокуроров за пояс заткнет и присяжных в восторг приведет...»³³. То, насколько сложно было женщине проложить себе путь в профессиональную сферу в целом и в адвокатуру в частности, прекрасно иллюстрируют воспоминания Е.И. Козлининой, которая сама себя называет «пионером женского свободного труда». В июне 1864 г., в возрасте семнадцати лет, она оставила место в пансионе, которое не соответствовало ее устремлениям, и приехала в Москву искать работу. Она вспоминает, что тогда девушка, ищущая самостоятельного труда, обществом воспринималась с большим недоверием. «А если к несчастью для такой девушки, она была молода и красива, то это создавало для нее почти непреодолимые препятствия и много с её стороны требовалось энергии, чтобы не опустить рук»³⁴. В итоге ей посчастливилось устроиться в первую женскую типографическую коммуну, основанную А. И. Мамонтовым в 1864 г.

Также следует отметить, что одним из аргументов, которым оперировали мужчины, когда речь шла о принятии женщин на работу в государственные учреждения, было то, что их присутствие нарушит «общественную нравственность». Например, одобрение в Совете министров проекта,

³¹ Волохов М. Указ. соч. С. 15.

Volokhov M., *Op. cit.*, S. 15.

³² Крестьянников Е. «Бабы перестанут работать и скажут: мы пойдем в адвокаты». Сильный пол России всячески препятствовал слабому заниматься юриспруденцией // Родина. 2016. № 5 (516). URL: <https://rg.ru/2016/05/24/rodina-advokaty.html> (дата обращения: 03.04.2020).

Krest'yannikov E., «*Baby perestanut rabotat' i skazhut: my poidem v advokaty*». *Sil'nyi pol Rossii vsyacheski prepyatstvoval slabomu zanimat'sya yurisprudentsiei*, Rodina, 2016, № 5 (516). URL: <https://rg.ru/2016/05/24/rodina-advokaty.html> (data obrashcheniya: 03.04.2020).

³³ Сэр Жако. Не-дельные наброски // Шут. 1900. № 46. 11 (24) ноября. С. 15.

Ser Zhako, *Ne-del'nyenabroski*, Shut, 1900, № 46, 11 (24) noyabrya, S. 15.

³⁴ Козлинина Е. И. За полвека. 1862–1912 гг.: пятьдесят лет в стенах суда. Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913. С. 33.

Kozlinina E. I., *Zapolveka. 1862–1912 gg.: pyat'desyat let v stenakh suda. Vospominaniya, ocherki i kharakteristiki*, M., 1913, S. 33.

согласно которому женщина допускалась на штатную государственную службу по министерству финансов, в бюрократическом мире вызвал волну возмущения: группа «ревнителей чиновного благонравия» даже выступила с печатным протестом, в котором среди прочего говорилось, что «женщины, поставленные в положение начальниц над штатными чиновниками, вплоть до девятого класса, неизбежно внесут деморализацию в выкристаллизовавшуюся среду государственной службы»³⁵.

* * *

«Репродуктивное» тело женщины во многих странах до сих пор является объектом государственного регулирования, его особенности используются для сохранения гендерных иерархий и систем власти-подчинения, а гражданский статус женщины в первую очередь отождествляется с ролью матери, что закрепляет режим «обязательного материнства»³⁶. Исполнение репродуктивной функции дореволюционной женской прессой было прямо названо «государственной повинностью», сравнимой с воинской, которую отбывают мужчины в обязательном порядке³⁷. В имперской России женщина, стремившаяся стать свободной и обрести экономическую независимость, покончив с «самочной безобразной жизнью» и перестав быть материалом для воспроизводства населения, неизбежно вызывала страх и протест у родственников/мужа/государства. Девушка, сбежавшая в большой город от вездесущей власти отца, пристально следившего за сохранением ею «целомудрия», или мужа, державшего ее в традиционных рамках, очень быстро осознавала, что и здесь ее частная жизнь попадает под тотальный контроль государства, взявшего на себя функции «отеческой опеки», а независимость, которую она надеялась получить вне патриархального семейного уклада, во многом иллюзорна. Поступая на службу, женщина не всегда могла выбирать, с кем ей вступать в брак и какое количество детей иметь (и иметь ли их вообще); также ей приходилось сталкиваться с открытой мизогинией со стороны общества, которое было скептически настроено по отношению к работающей женщине, стремящейся обрести независимый статус. В то же время прогрессивная пресса, в том числе издания открыто феминистической и профеминистской направленности, активно предавала огласке выпуск подобных дискриминационных правил и циркуляров, выступала против государственного контроля за частной жизнью женщин-служащих и попыток вмешательства со стороны правительства в самые ин-

³⁵ Готвальт В. Равноправие и «равноправие» // Журнал для хозяек. 1916. № 2. С. 28.

Gotval't V., *Ravnopravie i «ravnopravie»*, Zhurnal dlya khozyaek, 1916, № 2, S. 28.

³⁶ См., напр: Щурко Т. «Обязательное материнство»: репродуктивное тело женщины как объект государственного регулирования (на материале газеты «Советская Белоруссия») // Laboratorium. 2012. № 2. С. 69–90.

Shchurko T., «*Obyazatel'noe materinstvo*»: *reproduktivnoe telo zhenshchiny kak ob'ekt gosudarstvennogo regulirovaniya (na material gazety «Sovetskaya Belorussiya»)*, Laboratorium, 2012, № 2, S. 69–90.

³⁷ Демич П. Фанатизм «старой веры» // Журнал для хозяек. 1915. № 16. С. 20–21.

Demich P., *Fanatizm «staroi very»*, Zhurnal dlya khozyaek, 1915, № 16, S. 20–21.

тимные сферы их жизни. По воспоминаниям, зачастую эмоционально окрашенным, самих «женщин-интеллигентов» – первопроходцев, оставивших описание своей тяжелой борьбы за профессиональный статус – можно сделать вывод, что именно их половая принадлежность была причиной многих ограничений, с которыми они сталкивались на своем пути.

Список литературы:

1. Вахромеева О. Б. Социально-экономическое положение женщин в Санкт-Петербурге в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2009. 38 с.
2. Ворошилова С. В. Правовое положение женщин в России в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... докт. юридических наук. Саратов: СГЮА, 2011. 50 с.
3. Гольман Е. Телесные практики женщин в зеркале феминистской дискуссии // Логос. 2018. Т. 28 (4). С. 129–156.
4. Морозова О. М., Трошина Т. И., Ялозина Е. А. «Труд как свобода, труд как бремя»: о ранних страницах женской занятости в России // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Т. 18 (2). С. 374–411. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-374-411>
5. Синова И. В. Использование женского труда Морским министерством Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Т. 18 (2). С. 355–373. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-355-373>
6. Щурко Т. «Обязательное материнство»: репродуктивное тело женщины как объект государственного регулирования (на материале газеты «Советская Белоруссия») // Laboratorium. 2012. № 2. С. 69–90.
7. 7. Энгельштейн Л. Ключи счастья: секс и поиски обновления России на рубеже XIX и XX веков / пер. с англ. В. Павлова. М.: ТЕРРА, 1996.

Об авторе:

ГРОМОВА Анна Игоревна – м. н. с. центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Россия, 119334, Москва, Ленинский проспект, 32а), e-mail: anna4gromova@yandex.ru

THE ATTEMPTS OF SOCIAL AND POLITICAL REGULATION OF A FEMALE EMPLOYEE'S PRIVATE LIFE IN IMPERIAL RUSSIA AT THE TURN OF THE XIX-XX CENTURIES

A.I. Gromova

The Russian Academy of Sciences, N.N. Miklouho-Maklay Institute of
Ethnology and Anthropology, *Moscow, Russia*

By the beginning of the XX century, the involvement of Russian women in public life had increased significantly. They have gained access to education and work activities that were previously unavailable to them. At the

same time, women employed in intellectual labor were still limited by several discriminatory forces, including a significantly lower level of wages compared to men, the inability to hold many positions in state and public institutions, etc., as well as various regulatory acts designed to control women's "chastity", reproductive behavior and their private life in general. Such prohibitive acts issued by the authorities, and conservative views of society, which reserved for women only the right to fulfill traditional gender roles, not only seriously impeded their professional activities but also deprived them of the opportunity to dispose of their bodies freely. The article analyzes what methods of regulating the corporeality and reproductive function of a female employee were used and implemented in practice by state authorities in Imperial Russia at the turn of the 19th and 20th centuries, and how traditionalist public opinion contributed to this.

Keywords: *female employees, morality, power, control, traditional submission, patriarchal customs, struggle for equality.*

About the author:

GROMOVA Anna Igorevna – Junior Researcher, Women & Gender Studies Department, The Russian Academy of Sciences, N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology, (119334, Russia, Moscow, Leninsky Ave., 32A), e-mail: anna4gromova@yandex.ru

References:

- Engel'shtein L., *Klyuchi schast'ya: seks i poiski obnovleniya Rossii na rubezhe XIX i XX vekov*, Per. s angl. V. Pavlova, M., TERRA, 1996.
- Gol'man E., *Telesnye praktiki zhenshchin v zerkale feministskoi diskussii*, Logos, 2018, T. 28 (4), S. 129–156.
- Morozova O. M., Troshina T. I., Yalozina E. A., «*Trud kak svoboda, trud kak bremya*»: o rannikh stranitsakh zhenskoi zanyatosti v Rossii, Vestnik RUDN, Seriya: Istoriya Rossii, 2019, T. 18 (2), S. 374–411. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-374-411>
- Shchurko T., «*Obyazatel'noe materinstvo*»: reproduktivnoe telo zhenshchiny kak ob"ekt gosudarstvennogo regulirovaniya (na materiale gazety «*Sovetskaya Belorussiya*»), Laboratorium, 2012, № 2, S. 69–90.
- Sinova I. V., *Ispol'zovanie zhenskogo truda Morskim ministerstvom Rossiiskoi imperii na rubezhe XIX–XX vv.*, Vestnik RUDN, Seriya: Istoriya Rossii, 2019, T. 18 (2), S. 355–373. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-2-355-373>
- Vakhromeeva O. B., *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie zhenshchin v Sankt-Peterburge v kontse XIX – nachale XX vv.*, avtoref. dis. ... dokt.ist. nauk, SPb., SPbGU, 2009. – 38 s.
- Voroshilova S. V., *Pravovoe polozhenie zhenshchin v Rossii v XIX – nachale XX vv.*, avtoref. dis. ... dokt.yuridicheskikh nauk, Saratov, SGYUA, 2011. – 50s

Статья поступила в редакцию 20.08.2020г.